

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 200–209

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 200–209

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-200-209>, EDN: TLGGWX

Научная статья

УДК [82.0:821.133.1.09-31]+929[Пажес+Ле Теллье]

Трансфикциональный метаперсонаж Жан-Батист Ботюль

В. В. Кириченко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия, 190121, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16

Кириченко Владислав Владимирович, кандидат филологических наук, старший преподаватель департамента иностранных языков, kirlimfaul@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9209-0554>

Аннотация. Настоящая работа посвящена фигуре вымышленного философа по имени Жан-Батист Ботюль и его роли в дискурсе современной французской литературы. Для анализа данного героя в работе используются концепции трансфикциональности и метаперсонажа. Сам Ботюль придуман французским журналистом-сатириком Фредериком Пажесом. Его изобретение получило широкую популярность в среде различных деятелей науки и искусства, которые продолжили придумывать исследования и работы, якобы написанные неким Ботюлем. Фигура Ботюля представляет масштабный интерес с точки зрения теории литературы, особенно в контексте внедрения подобных псевдореальных персонажей в откровенно фикциональные произведения. Для более пристального изучения Ботюля в статье рассматривается роман французского писателя Эрве Ле Теллье «Исчезновение Перека». Текстовые отрывки из романа позволяют судить о Ботюле как о некоторой аномалии текста, в котором ненастоящий философ представлен как обыденный экстратекстовый феномен, хотя на самом деле такого человека никогда не существовало. В заключении делается вывод о том, что упоминание Ботюля, будучи художественным приемом в романе Ле Теллье, обладает рядом функций и не только усложняет мотивацию главного героя, но и способствует постановке вопроса о фикциональных сущностях внутри художественного произведения. Вымышленный философ служит герою романа Габриэлю своеобразной эмоциональной и психологической поддержкой в кризисные моменты, помогая ему принимать решения и проверять их правильность. Таким образом, случай Ботюля – это не только ироническая игра с читателем, обыгрывающая эфемерность литературного творчества и возможность работы с «несуществующим», но и активный прием, используемый автором для объяснения поведения героя.

Ключевые слова: трансфикциональность, метаперсонаж, мистификация, французская литература XX в., Эрве Ле Теллье, Фредерик Пажес, Жан-Батист Ботюль

Для цитирования: Кириченко В. В. Трансфикциональный метаперсонаж Жан-Батист Ботюль // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 200–209. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-200-209>, EDN: TLGGWX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The transfictional meta-character Jean-Baptiste Botul

V. V. Kirichenko

National Research University Higher School of Economics (HSE University) in St. Petersburg, 16 Soyuz Pechatnikov St., St. Petersburg 190121, Russia
Vladislav V. Kirichenko, kirlimfaul@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9209-0554>

Abstract. This paper focuses on the figure of the fictional philosopher Jean-Baptiste Botul and his role in the discourse of contemporary French literature. To analyze this character, the work employs the concepts of transfictionality and meta-character. Botul was invented by the French satirical journalist Frédéric Pagès. His creation gained a widespread popularity among various figures in science and art, who continued to invent studies and works supposedly written by Botul. The figure of Botul is of significant interest from the perspective of literary theory, especially in the context of introducing such pseudo-real character into explicitly fictional works. For a closer examination of Botul, the article analyzes the novel *La disparition de Perek* by Hervé Le Tellier, in which this philosopher appears. Textual excerpts from the novel allow us to see Botul as a certain anomaly of the text, in which a non-existent philosopher is presented as an ordinary extratextual phenomenon, although such a person never existed in reality. It is concluded that the mentioning of Botul, being an artistic device in Le Tellier's novel, has a number of functions. It contributes not only to the complexity of the main character's motivation, but also to posing the question of fictional entities within a work of art. Botul serves as a kind of emotional and psychological support for the main character of the novel (Gabriel) in critical moments, helping him make decisions and verify their correctness. Thus, Botul is not only an ironic game with the reader, playing on the ephemerality of literary creation and the possibility of working with the "non-existent", but also an active technique used by the author to explain the behavior of the hero.

Keywords: transfictionality, meta-character, mystification, French literature of the 20th century, Hervé Le Tellier, Frédéric Pagès, Jean-Baptiste Botul

For citation: Kirichenko V. V. The transfictional meta-character Jean-Baptiste Botul. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 200–209 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-200-209>, EDN: TLGGWX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Понятие мистификации хорошо знакомо как историкам, так и теоретикам литературы, однако оно не обладает точным определением, потому что включает в себя всякий раз достаточно отличные друг от друга формы: подлог, подделка, розыгрыш, обман, псевдоним, апокриф, пастиш, плагиат, самозванство и др. [1, р. 13]. Как пишет И. Л. Попова в «Литературной энциклопедии терминов и понятий», «мистификация литературная – текст или фрагмент текста, автор которого приписывает его создание подставному лицу, реальному или вымышленному. М.л. противоположна плагиату: плагиатор заимствует чужое слово, не ссылаясь на автора, мистификатор, наоборот, приписывает другому свое слово» [2, с. 553]. Проблема литературной мистификации давно и плодотворно изучается на разном материале, о чем свидетельствуют работы по общей проблеме термина «мистификация» [3], литературным мистификациям в контексте числительных в стилометрии [4], конкретные случаи мистификации вроде Черубины де Гарбиак М. А. Волошина [5] или «Жака-фаталиста» Дидро [6]. Среди знаковых теоретических работ последнего времени можно обозначить исследование Жана-Франсуа Жандийу «Эстетика мистификации» (1994), в котором подробно анализируются различные формы мистификации, существующие преимущественно в литературе [7].

Легко заметить связь мистификации с мистерией, мистикой и тайной. Все четыре слова имеют общую сему некой неизвестной информации, обладающей особенным ореолом и атмосферой особой секретности для людей, сталкивающихся с тем или иным ее проявлением (часто косвенным). Как замечает литературовед Скотт Карпендер, тайна (фр. *mystère*) и мистификация, несмотря на общую этимологию, практически противоположны друг другу: «Тайна, будь то в смысле религии или детективного романа, стремится к раскрытию секретной истины. С другой стороны, мистификация заставляет верить в самую возможность откровения, но она никогда не сбывается для читателя, при этом вместо обещанного прозрения совершается иное открытие, а именно, что

нет никакой тайны, которую нужно раскрыть. Короче говоря, тайна говорит правду, в то время как мистификация лжет» [1, р. 14].

Современная французская литература многообразна и включает в себя совершенно разные явления, однако далеко не каждый день читателю приходится сталкиваться с мистификациями неавтобиографического или документального планов. Более того, совсем не каждая мистификация становится культовой, обрастая собственной микропоэтикой и сообществом писателей и читателей. В этом смысле показателен феномен Жана-Батиста Ботюля, вымышленного философа, чье творчество и философские работы были написаны разными авторами, а он сам в виде персонажа выведен в ряде фикциональных и фактуальных текстов.

Настоящая работа посвящена изучению фигуры Ж.-Б. Ботюля сквозь призму концепций трансфикциональности, «storyworld» («мира истории») и метаперсонажа на примере романа современного писателя Эрве Ле Теллье «Исчезновение Перека» (1997), который был одним из ранних художественных текстов, имплементировавших Ботюля как якобы реально существовавшего философа. Логика нашей статьи следующая: сначала мы рассмотрим фигуру Ботюля, затем обратимся к теоретическим положениям, в свете которых проанализируем его функцию в указанном романе Ле Теллье.

Жан-Батист Ботюль (1886–1947) – это персонаж, вымышленный французским журналистом Фредериком Пажесом (род. 1950) и его соратниками из «Ассоциации друзей Жана-Батиста Ботюля» (аббревиатура – A2JB2), основанной в 1996 г. В 1995 г. Пажес, работавший в сатирическом журнале «Le Canard enchaîné», создал Ботюля и его философское учение – ботюлизм – как литературную шутку [8]. Название «ботюлизм» иронично отсылает к ботулизму – тяжелому отравлению. Несмотря на очевидную вымышленность, некоторые интеллектуалы, включая известного философа Бернара-Анри Леви (род. 1948), ошибочно принимали Ботюля за реальную фигуру и цитировали его работы как достоверные источники, например, книгу «Сексуальная жизнь Иммануила Канта» (написанную Пажесом в 1999 г.). Случай с Леви получил самую большую огласку, про него пи-

сали многие журналы и газеты вроде «Figaro». Примером может служить статья журналистки Од Ланселен «BHL en délire flagrant: l'affaire Botul» («Бернар Анри Леви в полном бреде: дело Ботюля») [9].

Биография Жана-Батиста Ботюля, как и его философия, является плодом вымысла. Согласно придуманной истории, Ботюль был французским философом, который, предпочитая устную деятельность письменной, не оставил после себя никаких сочинений. Ему приписывали связи с известными женщинами своего времени, такими как Марта Ришар, Мария Бонапарт и Симона де Бовуар. В своих многочисленных путешествиях он якобы встречался с ключевыми историческими фигурами, включая Эмилиано Сапату, Панчо Вилью и Стефана Цвейга (с последним наиболее часто). После участия в освобождении Эльзаса в 1945 г. Ботюль отправился в Южную Америку, где основал колонию «Нуэва Кёнигсберг» для немецких беженцев. Жители этой колонии, по легенде, жили в соответствии с распорядком и внешним видом, имитирующими жизнь Иммануила Канта, ежедневно совершая прогулку по реконструированным улицам Кёнигсберга¹.

Среди наиболее известных текстов, написанных другими людьми под именем Ботюля, можно назвать следующие: «Сексуальная жизнь Иммануила Канта» (1999, написана Ф. Пажесом), «Ландрю, предшественник феминизма» (2001, написана К. Клерком и Б. Роте), «Ницше или демон юга» (2004, написана Ф. Пажесом), «Метафизика мягкого» (2007, написана Ж. Гайяром), «Переписка с самим собой» (2007, написана Ж. Гайяром), «Из дыры ко всему» (2012, написана Ж. Гайяром), «Фрейд и фатальная сигара» (2024, написана Ф. Пажесом). Самым значимым среди указанных текстов является первый, однако другие работы демонстрируют то, что можно отчасти назвать коллективным творчеством с ведущим героем. Однако это творчество практически не исследовано даже во Франции. В настоящий момент встречаются лишь небольшие заметки вроде текста Аликс Коен [8] или размышлений известного писателя Жака Рубо «Ботюлизм и улипизм» [10], сама фигура Ботюля упоминается в работе специалиста по литературным мистификациям Жана-Франсуа Жандийю [11].

¹ Là-bas si j'y suis. Botul n'existe pas, je l'ai rencontré
URL: https://la-bas.org/spip.php?page=article&id_article=1876 (дата обращения: 04.07.2025).

«Сексуальная жизнь Иммануила Канта» была посвящена образу жизни немецкого философа. Предполагается, что Кант жил в строжайшей чистоте, как телесной, так и духовной. Насколько известно, у него не было ни жены, ни любовницы. И тогда Ботюль обратил внимание на эту деликатную тему во время лекций, якобы прочитанных в мае 1946 г. в Парагвае. Там он выдвинул следующую идею: «Если большинство философов были холостяками, то это для того, чтобы показать, что конечной целью человечества не является размножение. Мы не собаки, мы не парамеции, мы не кролики. Философия – это утверждение того, что существует несексуальный способ продолжения рода. Философское наследие передается без генов. Теперь я должен объяснить, какими необычными способами размножаются философы. Вот как: они не проникают, они уходят. Этот уход имеет название: меланхолия» [12, р. 38] (здесь и далее перевод наш. – В. К.).

Случай Ботюля является любопытным примером сращения сил разных писателей для создания, с одной стороны, некоторой «игры ума», проверки критических навыков, а с другой, полноценной формы размышления с вымышленным субъектом. Тот факт, что Ботюль никогда не существовал, не умаляет некоторые размышления авторов, представленные в самом раннем тексте о Канте. В контексте «сообщнической» работы нескольких писателей возникает некоторое общее поле мысли, и оно является чисто художественным экспериментом постмодернистского отношения к дискурсу, в котором реальностью является то, что обсуждается (в том числе анекдоты о сексуальной жизни И. Канта): «Что касается его [Канта] сексуальной жизни, я прошу вас воздержаться от любых предрассудков, не судить его поспешно и, по возможности, вообще не судить. Я прошу вас принять позицию, которую отстаивал Спиноза в своем “Политическом трактате”: “Не плакать, не смеяться, а понимать”» [12, р. 13].

Отметим также и явление «NoDuBo» (от фр. *Noûau dur botulien* – «Крепкое ботюлическое ядро») – особую группу деятелей науки и искусства, которую можно считать частью «Ассоциации друзей Ж.-Б. Ботюля». В нее входят Кристоф Клерк и Клер Дюблиз (адвокаты), Хайке Хеберле (психиатр), Натали Жодель (психоаналитик), Эрве Ле Телье (писатель), Али Магуди (психоаналитик), Жан-Ален Мишель (адвокат), Патрис Мине (актер), Бертран Роте

(профессор экономики), Жак Гайяр (писатель), Жан-Гюг Лиме (актер и писатель), Фредерик Пажес (журналист). Кроме того, во Франции существует премия Ботюля, она выдается с 2004 г. авторам, которые остроумно и правдоподобно использовали в своем произведении этого вымышленного философа. Хотя, судя по недавним фактам, присутствие в тексте его фигуры не всегда является обязательным. Так, Эрве Ле Теллье выдал премию Ботюля за текст «Я и Франсуа Миттеран» (2016), в котором автор, скорее, играет с легкой мистификацией, псевдодокументализмом (там используются якобы настоящие письма в виде фотографий) и демонстрирует вымышленную переписку с 21-м президентом Франции.

Ботюль как трансфигуральный метаперсонаж

Исследования в области теории вымысла привели к появлению новых концепций, среди которых одной из ключевых можно считать «трансфигуральность». Ее автором является французский теоретик литературы Ришар Сен-Желе. Под этим термином понимается миграция художественных элементов – героев, символов, сюжетных структур или декораций – из одного вымышленного текста в другой. Как пишет сам Сен-Желе, «под “трансфигуральностью” я подразумеваю явление, при котором два или более текста, как одного, так и другого автора, относятся к одному и тому же художественному произведению, будь то использование одних и тех же персонажей, продолжение предыдущего сюжета или общая вымышленная вселенная» [13, р. 7].

Хотя феномен трансфигуральности существовал в литературе издавна и описывался в литературоведении такими терминами, как «блуждающие сюжеты», «вечные образы», «формулы пафоса» и «литературные топоры», в настоящее время термин «трансфигуральность» объединяет все эти понятия, позволяя рассматривать их в рамках единой теоретической рамки. Трансфигуральность оказывается полезным инструментом в случае таких персонажей, как Ботюль, потому что они мигрируют из текста в текст, принимая разные формы и выполняя различные функции. Так, например, Ботюль может быть рассмотрен как псевдоавтор своих текстов, описывающий свое окружение и изучающий других (философов); как личность со своей комментированной

перепиской (как в «Ландрю, предшественнике феминизма»), как вторичный элемент реальности художественного произведения (как в романе Ле Теллье, об этом ниже).

Важным для понимания трансфигуральности является понятие «storyworld», предложенное известным теоретиком литературы и новых медиа М.-Л. Райан. С точки зрения Райан, «storyworld» («мир истории») – это ментальный конструкт, создаваемый аудиторией во время взаимодействия с нарративом. Сама Райан поясняет: «Концепция мира истории (storyworld), которую я предлагаю, отличается от других, более неформальных и традиционных способов использования термина “мир” в литературной теории в нескольких важных аспектах. Когда критики говорят о “мире Пруста” или “мире Кафки”, они имеют в виду совокупность значений, связанных с данным автором. Эти обширные миры могут содержать противоречия, поскольку авторы могут отстаивать разные идеи на протяжении своей карьеры. Миры истории, напротив, относятся к конкретным текстам или группам текстов, и их связь с отдельными авторами слаба: авторы могут создавать несколько разных миров истории, как это будет в случае, когда писатели-фантасты создают разные серии романов, мир истории может быть развит разными авторами, как это происходит в феномене, который Ришар Сен-Желе (2005, 2011) описывает как “трансфигуральность”» [14, р. 64]. Как термин «мир истории» отличается от «мира художественного текста» тем, что первое понятие включает в себя трансмедийную / трансфигуральную специфику: «миры истории» не привязаны строго к литературе, они могут возникать в совершенно разных нарративах (от мифов до компьютерных игр).

Качество «мировость» (worldness) рассматривается у Райан в двух смыслах: узком – как набор элементов какого-либо «мира истории», который повторяется из произведения в произведение, и широком – как способность произведений быть мирами в воображении. Райан подчеркивает, что «мир истории» не сводит все вымыслы к единой модели, поскольку степень «мировости» может варьироваться в зависимости от параметров: дистанция, размер, полнота [14, р. 65–80]. Повествовательность текста зависит от его «мировости», а мировость, в свою очередь, зависит от способности текста создать у читателя ментальную репре-

зентацию, удовлетворяющую трем условиям: логической последовательности, достаточной величине (объему того, что можно вообразить) и относительно завершеному переживанию.

Тексты, подписанные именем Ботюля, как и его существование в целом, являются частью отдельных «миров истории», которые создаются в тех или иных художественных произведениях. Более того, в случае самой первой работы про «Сексуальную жизнь Канта», можно говорить о сложном экзотическом вымысле (экзофикшне) [15], в котором вымышленный персонаж Ботюль используется для размышления: «Для многих Кант является типичным представителем философии. Известно, что он вел размеренную и оседлую жизнь и почти не покидал свой родной город Кенигсберг, что было невероятно в эпоху, когда все великие философы – Вольтер, Руссо, Дидро, Юм – были путешественниками, европейцами, любознательными к своему континенту. Но Кант остался в Кенигсберге. Он родился там, умер там, работал там же» [12, р. 22].

Концепция «миров истории» Райан предполагает гибкую связь между текстом и миром. Исследовательница считает: 1) один нарративный текст может представлять несколько различных миров, например, посредством описания альтернативных и несовместимых исходов развития событий; 2) текст может проецировать единый мир, в котором разворачивается множество самостоятельных, но взаимосвязанных историй; 3) несколько независимых текстов могут совместно формировать единый вымышленный мир, что характерно для трансфикциональности [14, р. 65]. В случае Ботюля, очевидно, представлен третий вариант «мира истории»: некий общий мир жизни, творчества и научных трудов вымышленного философа возникает благодаря деятельности различных писателей.

Содержание многих текстов Ботюля связано не с ним самим, а с другими представителями его эпохи. Он сам чаще всего представлен как наблюдатель-мыслитель, стилизованный в той или иной мере под свою эпоху. В связи с тем, что никакого Ботюля не существует, разные авторы создают свои метавымыслы о других существовавших людях посредством его вымышленной фигуры. Таким образом, перед читателем «Ботюля» возникает двойная мистификация: с одной стороны, нет самого

Ботюля, а его точка зрения предстает игровой «воображаемой конфигурацией» (термин П. Рикера [16, с. 302]) какого-то писателя, с другой стороны, нам рассказывается о других людях, вроде того же Канта, Ницше или Фрейда, через псевдосвидетельство или даже псевдонаучное изучение их жизни. Например: «Ницше тридцать восемь лет. Перед ним стоит двадцатидесятилетняя девушка. Ее зовут Лиолия фон Саломея, она русская, родилась в Санкт-Петербурге. Лиолия, то есть “Луиза” по-французски, для всех своих близких она Лу. Позже она добавит к “Саломе” имя своего мужа “Андреас”, странного мужа, о котором мы еще поговорим. Из своей родной России Лу путешествует по Европе в сопровождении своей матери. Этот подвижный, бродячий и экстравагантный человек имеет слабое здоровье. Врачи считают, что ей осталось жить всего несколько месяцев. И все же, какая жизненная сила! Хрупкая и энергичная! Лу – настоящий оксюморон, воплощение противоречий» [17, р. 30].

В теории литературы также существует важная для нас концепция метаперсонажа (это понятие происходит от общего обозначения особой формы литературы – «метавымысла» / метафикции), который представляет собой фигуру, осознающую свою фиктивную природу и активно взаимодействующую с нарративной реальностью, разрушающую иллюзию вымысла и обращающую внимание на процесс создания и восприятия художественного текста [18, р. 21–27; 20, р. 1–3]. В отличие от традиционных персонажей, существующих внутри диегетического мира, метаперсонаж выходит за его границы, вступая в диалог с автором, читателем или нарратором, проблематизируя тем самым границы между реальностью и вымыслом, а также природу авторства. Среди примеров классических метаперсонажей можно назвать Тристрама Шенди Лоренса Стерна или Дон Кихота Мигеля де Сервантеса [19, р. 4].

У классического метаперсонажа есть узнаваемые черты, часто характеризующие постмодернистскую литературу. Во-первых, осознание своей фиктивности. Метаперсонаж знает, что является вымышленным существом, живущим в мире, созданном автором [20, р. 32]. Во-вторых, так называемое разрушение «четвертой стены», когда метаперсонаж обращается

напрямую к читателю, автору или нарратору. Подобное может проявляться в комментариях о сюжете, обсуждении литературных приемов или выражении сомнений в своей собственной достоверности [20, р. 54]. В-третьих, метаперсонаж часто размышляет о процессе создания художественного текста, о его структуре, жанровых особенностях и возможных вариантах развития сюжета [20, р. 121–124], как в романах Андре Жида «Фальшивомонетки» (1925) или Константина Вагинова «Труды и дни Свистонова» (1929). В-четвертых, метаперсонаж может ставить под сомнение власть автора, оспаривая его решения, предлагая свои варианты развития событий или даже бунтуя против предписанной ему роли [20, р. 101–102]. В таком качестве может выступать и ведущий нарратор текста, как в романе Алена Роб-Грийе «Дом свиданий» (1965).

Ботюль оказывается непривычным или нестандартным метаперсонажем, поскольку он не вступает в прямое общение с читателем, но нарушает некоторое правдоподобие диегезиса своим существованием. Он является инстанцией порождения вымысла о других и вокруг себя, несмотря на апелляции к фактуальным персонам. Вымышленный философ становится метаперсонажем лишь для внимательного читателя, который может сопоставить информацию и осознать текстуальный прием.

Не все черты, присущие классическому метаперсонажу, характерны для Ботюля. Он представляет себя как реального человека (но это фикция), хотя и обращается иногда к читателю; он не стремится разрушить стену, но только укрепляет эффект правдоподобия деталями из своей жизни; он иногда размышляет об устройстве собственного текста или научного замысла, но это свойственно многим писателям (ср., например, топос «скромного вступления») или ученым; мы также можем судить о нем как об авторе собственных текстов. Так почему же мы называем Ботюля метаперсонажем? Потому что Ботюль является многоличностным псевдореальным нарратором-персонажем, который вступает в диалогические отношения с различными фактуальными личностями и размышляет о них, выстраивает несуществующие отношения и формулирует отчасти заведомо иронические высказывания, однако их ирония может быть понята ясно лишь при пристальном чтении текста или известности факта о характере существования самого Ботюля.

Ботюль у Ле Теллье

Теперь обратимся к конкретному случаю имплементации Ж.-Б. Ботюля в художественный текст на примере творчества французского писателя Эрве Ле Теллье (род. 1957). Современный писатель изначально был математиком по первому образованию, но решил изменить свой жизненный путь и стал доктором филологии, а затем занялся литературным творчеством, активно увлекаясь произведениями Жоржа Перека (1936–1982). В 1992 г. Ле Теллье вступил в группу УЛИПО («Мастерская потенциальной литературы»), в которой состоял его любимый писатель Жорж Перек, продуктивный экспериментатор французской словесности. Почти на протяжении всего своего творчества Ле Теллье совершает всевозможные отсылки к произведениям Перека, а также публикует для широкой аудитории его малоизвестные тексты (вроде «What a man!»), преимущественно работая с издательством Le Castor Astral. Первая книга Ле Теллье вышла лишь в 1991 г., это был сборник рассказов «Барные сонаты». На настоящий день его главным текстом является роман «Аномалия» (2020), за который он получил Гонкуровскую премию.

Обратимся к более раннему детективному роману «Исчезновение Перека» («La Disparition de Perék», 1997), потому что это одна из наиболее ранних известных импликаций Ботюля в художественный текст. Роман написан с явной ориентацией на творчество Перека. Во-первых, произведение включает фамилию Перека в измененном виде (ср: Peréc vs. Perék). Во-вторых, текст Ле Теллье близко воспроизводит сюжетную логику двух произведений Перека – «W, или Воспоминание детства» (1975) и «Исчезновение» (1969). Как в «W» Перек-взрослый ищет Перека-ребенка, у Ле Теллье главный герой Габриэль ищет Филиппа Перека, потому что они оба в детстве потеряли родителей. Перекличка с «Исчезновением» возникает благодаря тому, что у обоих авторов, несмотря на сложное расследование, герои-сыщики не получают утешительного результата, хотя тайна становится относительно явной в конце произведения. В-третьих, в предисловии к «Исчезновению Перека» сам Ле Теллье извиняется за отчасти обманчивое название своего романа, поскольку его текст, хоть и отсылает к Переку, но на проверку оказывается слишком простым.

Роман Ле Теллье повествует о непрофессиональном сыщике Габриэле, который пытается узнать истинную причину исчезновения Филиппа Перека. Последний увидел то, что не стоило видеть обычному смертному – двойников и сложные схемы продления жизни богатых людей в современном обществе. Расследование, хоть и заканчивается обнаружением реальных причин множественных исчезновений (не только Перека), не приводит к какому-либо утешающему результату – герои оказываются не в состоянии обвинить преступников.

Помимо упоминания в предисловии, в тексте Ле Теллье наличествует четыре отчетливых интервенции Ботюля в художественное пространство текста, все они функционируют схожим образом, играя роль подтекста («sub-text») в понимании М. Риффатера, как того, что позволяет тексту быть реалистичным [21, р. 76–78]. Отметим, что эффект реальности, достигаемый взаимодействием главного героя Ле Теллье с книгой Ботюля, оказывается уникальным, потому что сам Ботюль является лишь правдоподобным явлением, а не феноменом действительности. Чаще всего обращения к Ботюлю оказываются развернутым сравнением, передающим переживания главного героя. Также любопытно, что во всех случаях нарратор не ставит под сомнение существование и реальность Ботюля.

Впервые в романе Ботюль возникает еще до того, как Габриэль решает заняться делом об исчезновении Филиппа Перека: «Габриэль не ответил и спокойно перечитал статью. Его родители тоже умерли, когда ему было пять лет, и эта общая драма создала уникальную близость между ним и этим парнем, который исчез, а затем был убит, интимную связь, которую он не знал и не хотел никому объяснять, таинственное родство, рожденное от абсолютной боли, от познания безутешного, как сказал бы Жан-Батист Ботюль» [22, р. 34].

В данном отрывке воспроизводится несуществующая фраза Ботюля про «таинственное родство». Отсылка к биографии не считается, потому что мы ничего не знаем о его родственных связях. Однако сама фраза имеет ироническое звучание, поскольку даже Габриэль не ссылается напрямую на какой-то отрывок из Ботюля, а использует формулу «как сказал бы», имея в виду определенный – пессимистический – стиль высказываний философа. «Познание

безутешного» намекает на тот факт, что ни Перек, ни Габриэль не смогут приоткрыть завесу тайны, понять настоящую причину трагедии: смерти или исчезновения собственных родителей. Эта фраза также любопытно ложится не только на фикционального Перека (Perek), но и на реального писателя (Peges). Наличие Ботюля в жизни Габриэля характеризует именно главного героя, а не весь текст: Габриэль также оказывается ненастоящим сыщиком, как и сам Ботюль является выдуманным философом. Более того, он пользуется Ботюлем как фигурой, вдохновляющей его на поиск, и берет с собой его книгу.

Далее в тексте можно увидеть, что Ботюль оказывается не только упоминаемой фигурой сравнения, но и возникает в контексте несуществующей «переписки между Цвейгом и Ботюлем», которую Габриэль берет с собой на «задание»: «Габриэль положил в гардероб футболку, свитер, две пары носков и двое трусов. На стол он положил свою прикроватную книгу: переписку между Стефаном Цвейгом и Жаном-Батистом Ботюлем, большую книгу, охватывающую Первую мировую войну, межвоенный период и завершившуюся адом в июле 1941 года. Цвейг должен был покончить жизнь самоубийством вместе со своей женой в следующем году в Петрополисе, Бразилия, узнав о новых победах Гитлера. Ботюль умер пятнадцать лет спустя от серьезной болезни. Но это никого не волнует. Более того, в толковом словаре Робера вы не найдете ничего между Себастьяном Боттенем и Маркосом Боцарисом. Ботюлю тоже было бы наплевать» [22, р. 46].

Развернутое описание ситуации с Ботюлем и Цвейгом передает тревогу Габриэля, отправляющегося в опасное путешествие под видом сыщика, выдумывающего себе множество личностей, – отчасти, как и сам Ботюль, личность и мировоззрение которого создается множеством авторов в различных «мирах истории». Это мировоззрение Ботюля не может быть собрано в полноценном виде, как и мировоззрение Гаспара Винклера (alter ego многих текстов Жоржа Перека) [23], поскольку эти «Ботюли» представляют собой разных фикциональных субъектов.

Кроме того, впервые в тексте нарратор подтрунивает над ситуацией письма и сообщает странную вещь: читатель ничего не сможет найти о Ботюле в классическом толковом словаре. Усердный читатель, безусловно, найдет

подтверждение авторским словам, однако текст написан так, как будто Ботюль просто малоизвестный философ, недостойный упоминания в маститых словарях. Более того, этот пассаж становится вдвойне подозрительным от того, что во многих словарях «Робер» можно найти имя Перека (Регес), хоть и написанное не так, как у Ле Теллье. Обрывает все последняя фраза, в которой отмечается отношение Ботюля к собственной непопулярности, оно якобы свидетельствует о его возможном существовании.

В следующем отрывке Габриэль использует уже упомянутую книгу переписки Ботюля с Цвейгом как книгу-талисман, которая подтверждает правильность выбранного героем алгоритма действий. Габриэль проверяет и спрашивает себя, что ему дальше делать, в итоге книга переписки ему намекает, что некоторые вещи раскрываются и становятся явными лишь спустя много лет, что добавляет уверенности герою в его занятии: «Таким образом, от Перека не осталось ничего, кроме двух пробирок: в одной был кусок печени, в другой – легкого. Полная аннигиляция. Немного ошеломленный, Габриэль схватил увесистый том “Переписки Ботюля – Цвейга”. В своем письме Цвейгу от 23 февраля 1917 года прекрасный Жан-Батист писал: “Вы жалуетесь на головные боли, но знаете ли вы, дорогой Стефан, что некоторые смертельные болезни обязаны своим относительно безвредным характером тому факту, что они появляются только после ста пятидесяти лет инкубации?”» [22, р. 68] (курсив автора. – В. К.).

Как мы сказали, Габриэль не совсем гадает, но пытается проверить, как поступал или рефлексировал другой фикциональный персонаж, философ Ботюль. Любопытно, что сама придуманная цитата достаточно двусмысленна: с одной стороны, она может значить, что ничего страшного не произошло и могло быть еще хуже, с другой стороны, что из оставшегося от Ф. Перека (пробирки) все еще можно сделать некоторые выводы, провести разные виды анализа, чем далее и занимаются герой и его помощники.

Последний раз в тексте фигура Ботюля возникает в момент появляющегося романтического интереса Габриэля к Сильвии, бывшей девушке Ф. Перека (это отсылка к роману «Вещи» Ж. Перека). Главный герой снова проверяет некую «правильность» действий, сравнивая себя с Ботюлем, однако на этот раз речь идет

о подмене личности, выдумывании для себя другого имени: «Воцарилось тяжелое молчание. На ум детективу пришло трогательное письмо Жана-Батиста Ботюля Цвейгу. Еще подростком, Ботюль, чтобы соблазнить молодую девушку, придумал себе вымышленное имя – Джованни Кальвино. Философ объяснил это так: “Не думайте, что я создал характер искателя приключений. Нет, я очень мало рассказывал о себе. Даже если бы я сохранил свое настоящее имя, мне бы захотелось приукрасить себя. Этот Джованни Кальвино, живший во мне, был тише меня. Тебе это покажется странным, мой дорогой Стефан, но в течение тех нескольких недель, когда я жил под своим вымышленным именем, я правда считаю, что был самим собой”» [22, р. 118] (курсив автора. – В. К.).

В данной несуществующей цитате сообщается необычная идея о том, что человек как психологически полноценная личность способен выдумывать для себя не просто отдельные маски и нормы поведения, но другое имя и психологический портрет, в соответствии с которым он может действовать и чувствовать себя самим собой. Несмотря на то, что подобные рассуждения отсылают читателя к теории множественной личности [24, с. 10], которая отчасти затронута в другом романе Ле Теллье («Аномалия», 2020), она никак не проявляется в данном тексте: Габриэль всегда ведет себя одинаково, под прикрытием выдумывая для себя ряд разных личностей (журналист, сыщик, медик и др.), и он никогда не становится другим субъектом. Читатель вряд ли сможет увидеть разницу в психологическом портрете Габриэля, когда он выпивает в баре со знакомыми и узнает о деле Перека, от схожей ситуации в конце романа, когда подтверждается случай еще одного исчезновения, о котором заранее было известно Габриэлю, но он ничего с этим не смог сделать. В этом плане важно, что герой Ле Теллье лишь пытается походить на Ботюля и вдохновляется им, но не является подобным метаперсонажем.

Таким образом, в «Исчезновении Перека» Ле Теллье достаточно скромно имплементирует Ботюля, используя его как часть внутренней мотивации в поведении главного героя. Ботюль выступает некоторой формой поддержки эмоционально-психологического состояния Габриэля в критические моменты, когда он не знает, что делать дальше, или же проверяет

правильность своих действий через обращение к переписке Ботюля – Цвейга. Вымышленный философ оказывается не только игрой с читателем и ироническим подтруниванием над производством письма, его эфемерностью (читай: возможностью работать с несуществующим в разных степенях), но мотивирующим агентом для главного героя, история которого понятна гораздо менее, чем жизнь Филиппа или Жоржа «Переков».

Заключение

Жан-Батист Ботюль является метаперсонажем, потому что никогда не присутствует в роли реального актанта, но лишь используется автором в функции комментария, он никогда не является настоящим действующим субъектом текстов, но при этом якобы существует в действительности из-за его (вымышленных) связей с реальными людьми. В творчестве Эрве Ле Теллье фигура Ж.-Б. Ботюля занимает важное место, автор прибегает к ней как к приему письма, который позволяет дать мотивацию главному герою. При этом в «мудрых советах» философа прочитывается авторская ирония, а не желание обмануть читателя. Таким образом, главная роль Ботюля, по крайней мере в текстах Ле Теллье, может быть обозначена как иронико-мотивационная, хотя этим она не ограничивается.

Вымышленный герой как трансфикциональный метаперсонаж сам по себе ничего не определяет, но при этом объединяет множество текстов общей фигурой. Само существование Ботюля и его «нормальное» функционирование в текстах писателей как философа, по отношению к которому совершают отсылку, ставит специфический вопрос о работе вымысла и нашего восприятия текстуальных двойников реальности – как «призраков» в том смысле, которое в это понятие вкладывал Жак Деррида [25, с. 15–16]. В этом контексте Ботюль оказывается чистым «призраком» без могилы и даже тела, но при этом он участник дискурса о жизни других фикциональных и фактуальных существей. Осуществленный в статье анализ романа Ле Теллье «Исчезновение Перека» прокладывает путь к возможному обсуждению «миров истории» Ботюля как трансфикционального метаперсонажа в современной французской литературе.

Список литературы

1. *Carpenter S.* Mystification et esthétique moderne // *Romantisme*. 2012. Т. 156, № 2. Р. 13–24. <https://doi.org/10.3917/rom.156.0013>
2. *Попова И. Л.* Мистификация литературная // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М. : Интелвак, 2001. С. 553–555.
3. *Петрс А. Л.* Литературная мистификация: к проблеме термина // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2020. № 197. С. 210–219. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-197-210-219>, EDN: FLXXVR
4. *Зенков А. В.* Литературные мистификации и авторское использование числительных // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. № 11. С. 3696–3709. <https://doi.org/10.30853/phil20230568>, EDN: UNIWIT
5. *Савина А. Д.* Черубина де Габриак: французские источники мистификации // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 2. С. 164–183. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-164-183>, EDN: ZBEZQH
6. *Пахсарьян Н. Т.* «Жак-фаталист» как философско-художественная мистификация Дидро // *Логос*. 2014. № 3 (99). С. 165–180. EDN: TPFHKD
7. *Jeandillou J-F.* Esthétique de la mystification. Tactique et stratégie littéraires. Paris : Minuit, 1994. 240 p.
8. *Cohen A.* Jean-Baptiste Botul: La Vie sexuelle d’Emmanuel Kant. Présentation, traduction et notes de Frédéric Pagès, 1999 // *Dix-Huitième Siècle*. 2001. № 33. Р. 699. URL: https://www.persee.fr/doc/dhs_0070-6760_2001_num_33_1_2448_t1_0699_0000 (дата обращения: 04.07.2025).
9. *Lacelin A.* BHL en flagrant délire: l’affaire Botul. URL: <https://www.nouvelobs.com/essais/20100208.BIB4886/bhl-en-flagrant-delire-l-affaire-botul.html> (дата обращения: 04.07.2025).
10. *Roubaud J.* Botulisme et oulipisme // *Bibliothèque Oulipienne*. Vol. 9. Montreuil : Le Castor Astral, 2014. 333 p.
11. *Jeandillou J-F.* Supercherries littéraires: La vie et l’œuvre des auteurs supposés. Nouvelle édition revue et augmentée. Genève : Librairie Droz, 2001. 680 p.
12. *Botul J.-B.* La vie sexuelle d’Emmanuel Kant. Paris : Fayard, 1999. 93 p.
13. *Saint-Gelais R.* Fictions transfuges: La transfictionnalité et ses enjeux. Paris : Seuil, 2011. 608 p.
14. *Ryan M.-L.* From Possible Worlds to Storyworlds: On the Worldness of Narrative Representation // *Possible Worlds Theory and Contemporary Narratology* / ed. by A. Bell, M.-L. Ryan. Lincoln : University of Nebraska Press, 2019. Р. 62–87.
15. *Муравьева Л. Е.* Экзофикшн и энактивистские нарративы в современной французской литературе // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 3. С. 30–51. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-30-51>, EDN: AKHXYS

16. Рикёр П. Время и рассказ : в 2 т. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М. ; СПб : Университетская книга, 1998. 313 с.
17. Botul J.-B. Nietzsche et le démon de midi. Paris : Fayard, 2004. 128 p.
18. Waugh P. Metafiction. The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. London ; New York : Routledge, 1984. 188 p.
19. Hutcheon L. Narcissistic Narrative. The Metafictional Paradox. Canada : Wilfrid Laurier University Press. 1981. 188 p.
20. Mchale B. Postmodernist Fiction. London ; New York : Routledge, 1987. 278 p.
21. Riffaterre M. Fictional Truth. Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 1990. 160 p.
22. Le Tellier H. La disparition de Perek. Paris : Gallimard, 2022. 160 p.
23. Кириченко В. В. Трансфикциональная проблема: Кто такой Гаспар Винклер? // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. 2018. № 6. С. 216–223. EDN: YTI6NB
24. Байяр П. Загадка Толстоевского. М. : Текст, 2019. 205 с.
25. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / пер. Б. Скуратова. М. : Logos-altera ; Ecce homo, 2006. 256 с.

Поступила в редакцию 05.07.2025; одобрена после рецензирования 16.08.2025; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted 05.07.2025; approved after reviewing 16.08.2025; accepted for publication 10.02.2026